

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА

**Сборник статей
XXIII Международной научной конференции
21–24 октября 2012 г.**

Отв. ред. С.К. Гураль

Томск
2013

Литература

1. Большая советская энциклопедия : в 30 т. М. : Советская энциклопедия, 1969–1978. Т. 14.
2. Дар слова. Вып. 18. URL: mhtml:file://C:\Users\Admin\Documents\наука\www_russ_ru Михаил Эпштейн. Дата доступа: 30.07.2010.
3. Зубова Л.В. Язык поэзии Марины Цветаевой (фонетика, словообразование, фразеология). СПб. : Изд-во С.-Петербур. гос. ун-та, 1999. 231 с.
4. Цветаева М.И. Собрание сочинений : в 7 т. М. : Эллис Лак, 1994–1995. Т. 2.
5. Пригов Д.А. Написанное с 1990 по 1994 : сб. стихов и прозы. М. : НЛО, 1998. 288 с.

Т.А. Нагорная

Томский государственный университет

ФЕНОМЕН ЯЗЫКОВОЙ ВАРИАТИВНОСТИ В БИБЛЕЙСКИХ ТЕКСТАХ В ПЕРЕВОДЕ М. ЛЮТЕРА

Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 12-06-90804-мол_рф_нр

Общеизвестно, что в становлении немецкого языка как национального большую роль играет перевод Библии, выполненный Мартином Лютером. Автор-переводчик считает, что для понимания христианских ценностей каждый верующий должен читать Библию на своем родном языке. Однако при переводе Библии он сталкивается с объективной проблемой: в XVI в. немецкий язык представляет собой совокупность диалектов, прикрепленных к различным территориям Германии, а единый наддиалектный немецкий язык отсутствует. Таким образом, для решения идеологических задач, связанных с передачей простому немецкому народу христианских ценностей, Лютеру требуется решение лингвистической проблемы – в условиях диалектной раздробленности сделать текст Библии доступным для всех жителей Германии.

Итак, библейские тексты в переводе Мартина Лютера создаются на базе языка, открытого для вариативности. М. Лютер в одной из застольных речей однажды сказал: «В Германии столько диалектов, ... что люди, живущие в 30 милях друг от друга, с трудом могут друг друга понять» [1. С. 7]. Факторы, способствующие варьированию немецкого языка XVI в., носят как объективный, так и субъективный характер. Граница между объективными и субъективными факторами лежит в степени отношения общества в целом и человека в частности к развитию языка. В связи с этим к объективным факторам, не связанным напрямую с языковой оценкой, относятся: политическая и культурно-социальная ситуация, в условиях которой развивается немецкий язык в рассматриваемый период времени; взаимодействие немецких территориальных диалектов и возникающие на этой основе параллельные языковые единицы; повсеместное распространение латинского языка и его влияние на развитие немецкого языка; взаимодействие устных и письменных видов коммуникации, характерное для немецкого языка XVI в.

Проникновение вариативных единиц на страницы перевода объясняется также субъективным фактором, связанным с личностью самого автора-переводчика. Благодаря глубокой языковой интуиции Лютер отбирает в немецком языке такие единицы, которые наиболее полноценно и доступно для всех слоёв населения Германии способны передать глубокий духовно-нравственный смысл Священного Писания. Параллельные единицы, встречающиеся в библейских текстах Лютера, являются результатом выбора переводчика.

Перейдём к рассмотрению вариативных языковых единиц, принадлежащих к разным сторонам и ярусам языка. В.Н. Ярцева отмечает, что сама идея о наличии варьирования в языке возникла при наблюдении фонологических сущностей, поскольку именно при исследовании звукового строя было обращено внимание на наличие инварианта и пучка вариантов [2. С. 8].

В рассматриваемом тексте наблюдается вариативное употребление некоторых графем, например согласного *t*: *That, thue* наряду с *Pilatus, Tag, Taschen, Taube, Tod, tisch* и др.

Известно, что в XVI в. существовала тенденция произнесения согласного *t* с придыханием. В средневерхненемецкий период (XV–XVI вв.) различаются *h* придыхательный и *ch* – заднеязычный и среднеязычный спираント. Согласно мнению лингвистов, в тот период *h* произносился как придыхательный не только в начале слова, как в современном немецком языке, но и в середине слова [3. С. 240]. Как показывают примеры, для обозначения придыхания, возникающего при устном произнесении звука *t*,

на письме Лютер использует *h*. Очевидно, это объясняется стремлением автора перевода адекватно отразить устную речь на письме.

Придыхательный *h* не употребляется, как правило, в конце слова: *Gott, Gebot, Fest, Frucht, liebet, nicht, Welt* и т.д. Исключением является заимствованное из еврейского языка слово: *Sabbath* (евр. *Shabbat* – „переставать“).

Аналогичные примеры вариативности обнаруживаются с употреблением буквы *j* в начале слова: *Jhesus*, но *Jacobe, Jesusalem, Johannis, Jordan Jueden, Juenger*. Также имеются слова, в которых после *j* в начале слова сразу же следует другой согласный, например: *Jdumea, jtz, jglich*. Вариативность может обуславливаться употреблением разных графем для обозначения одних и тех же фонетических единиц. Например: *ein, sein, zweier* наряду с *bey, sey, zwey*.

Колебание морфем и словоформ вызвано главным образом нестабильностью фонетического характера, поскольку фонемы являются «кирпичиками» морфем.

К вариативным средствам на морфологическом уровне относится прежде всего вариативность флексий в составе слов различных частей речи. Модификация формообразовательных морфем создаётся за счёт выпадения редуцированного *e* во флексиях слов разной частеречной принадлежности, стоящих в одинаковых грамматических формах, например: *liebet, werdet* наряду с *habt, gebt*. Аналогичные случаи колебания встречаются и в глагольных формах прошедшего времени, например: *lobete* наряду с *lobte*.

Некоторые лингвисты связывают варьирование в употреблении гласного *e* в безударных слогах с ритмическим строем предложения. Они полагают, что при выборе того или иного варианта Лютер руководствовался не столько грамматическими, сколько ритмическими законами.

Параллельные формы возникают и при образовании причастий. В текстах М. Лютера не все глаголы без неотделяемой приставки имеют приставку *ge-* в форме глагольного причастия. Так, например, причастие, образованное от глагола *sehen*, получает приставку *ge-*: *gesehen*; некоторые глаголы такой приставки не получают, например: *finden – funden, bringen – bracht, komen – komen, werden – worden*. Таким образом, приставка *ge-* и нулевой префикс являются взаимозаменяемыми морфемами в составе причастий.

Морфологическая вариативность, в свою очередь, связана с вариативностью сочетаний слов и предложений. Наиболее типичным случаем проявления синтаксической вариативности в библейских текстах в переводе М. Лютера является колеблющийся порядок слов в придаточных предложениях. Например: „Auff das jr Kinder *seid* ewrs Vaters im Himel ...“ (Mt. 5, 45) наряду с „Auff das dein Almosen verborgen *sey* ...“ (Mt. 6, 4).

Примеры показывают, что в тексте Лютера глагол не всегда стоит на последнем месте, как этого требует правило. В данный период истории уже наблюдалась тенденция к устойчивой норме оформления подчинения, закреплению которой, однако, мог препятствовать устный узус.

В исследуемых текстах обнаружено также вариативное оформление синтаксической связи. Например, союз *vnd* является многозначным:

„*Vnd* er macht sich auff / *vnd* kam von dannen ...“ (Mk.10,1);

„*Vnd* es begab sich / da er allein war / *vnd* betet / *vnd* seine Juenger bey jm ...“ (Lk. 9, 18).

При помощи союза *vnd* предложения как бы нанизываются друг на друга. Й. Краусс считает, что данный феномен восходит к устной традиции [4. С. 82]. Союз *vnd* употребляется Лютером как для перечисления однородных предложений либо однородных членов предложения („*Vnd* er macht sich auff / *vnd* kam von dannen ...“), так и для соединения равнозначных частей сложносочинительных предложений („... *vnd* betet / *vnd* seine Juenger bey jm ...“).

Союз *da* в анализируемых текстах имеет значение подчинительного союза места, времени и так же, как союз *vnd*, употребляется в качестве зачина повествования. Многофункциональным является *das* и производный от него *auf das*, а также *denn*.

Подводя итог, отметим, что вариативные единицы, встречающиеся на страницах библейских текстов в переводе Мартина Лютера и подвергающиеся лингвистическому анализу, относятся к разным языковым уровням и сторонам языка. Однако в связи с тем, что язык является сложной многофункциональной системой, все уровни и стороны которой тесно взаимосвязаны, точная классификация вариативных единиц представляется сложной задачей.

Появление вариативных единиц фонетического, морфологического и синтаксического уровня можно объяснить влиянием устной традиции на оформление письменных форм языка. Это связано не только с состоянием немецкого языка XVI в., но и с учётом автором-переводчиком своего опыта проповеднической деятельности и особенностей адресатов, являющимися выходцами из простого народа.

М. Лютер угадывает направления развития немецкого языка. Так, например, постепенно утверждается тенденция написания *t* без последующей графемы *h*, а сочетание *th* сохраняется только в от-

дельных словах; после *j* на письме закрепляется употребление гласного. В области утрачивается немотивированное употребление безударного гласного *e*, лишая тем самым глаголы вариативных форм (*lobte*, но не *lobete*).

В отношении синтаксиса в немецком языке закрепляется тенденция употребления постановки тематического глагола в придаточных предложениях на последнее место.

Таким образом, некоторые особенности вариативности языка М. Лютера ложатся в основу современного немецкого языка, а некоторые из них утрачивают статус вариативных и рассматриваются в качестве нарушения нормы.

М. Лютер не создаёт немецкий язык, но путём использования разноплановых взаимозаменяемых единиц, вариативных способов текстовой организации способствует его развитию. Единый немецкий язык – плод языковой / речевой практики последующих поколений, опирающейся на библейские тексты в переводе М. Лютера.

Литература

1. Besch W. Die Rolle Luthers in der deutschen Sprachgeschichte. Heidelberg : Universitätsverlag C. Winter, 1999. 70 s.
2. Ярцева В.Н. Проблема вариативности на морфологическом уровне // Семантическое и формальное варьирование. М. : Наука, 1979. С. 7–26.
3. Зеленецкий А.Л. Характер соотношения норм устной и письменной разновидностей нидерландского литературного языка в разные периоды его истории // Язык : теория, история, типология. М. : Эдиториал УРСС, 2000. С. 327–334.
4. Krauß J. Luthers Sprache : Wartburgland und Wittenberg als Wiege des Neuhechdeutschen // Dies Buch in aller Zunge : 475 Jahre Lutherbibel. Regensburg : Verlag Schnell & Steiner GmbH, 2009. S. 76–85.

Источник примеров

5. Das Neue Testament in der deutschen Übersetzung von Martin Luther. Studienausgabe : in 2 Bd. Stuttgart : Philipp Reclam jun. GmbH, 1989. Bd. 1. 736 s.; Bd. 2. 384 s.

Е.О. Омеличкина

Кемеровский государственный университет

СЕМАНТИКО-ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО ТИПАЖА «HEROS-COMBATTANT»

Массовое сознание испытывает перманентную потребность в феномене героизма, в примерах высокого служения долгу, проявлению героем силы, ума, доблести и отваги, превосходящих земные возможности [1. С. 104]. Актуальность исследования феномена героизма является следствием того обстоятельства, что его влияние на социальную действительность не ограничивается моментом подвига [2. С. 4], выражаемого в единичном поступке, поведении или всей жизни индивида [3. С. 69]. Герой как человек пути и судьбы, которой он противостоит, получает важнейший элемент ореола героя, образно оформленного отношения к нему и его подвигу со стороны общества - славу и известность, авторитет, а также рождение легенды [1. С. 129–137].

Процесс формирования исследуемого типажа «*héros-combattant*» («герой-боец») отражает этимология терминов *héros* и *combattant*, их семантическая эволюция.

Лексема *héros* восходит к латинскому существительному *heros* и греческому *hērōs* «полубог», «достойный человек», первоначально «защитник». В латинский язык *heros* пришел из греческого языка. Вследствие данного заимствования лексема приобретает значения, зафиксированные в латинско-русских словарях: 1) полубог; 2) богатырь, герой. Выделяется исходная смыслообразующая корневая морфема *-ser* (эволюционировавшая позже в *-her*) «присматривать, защищать, охранять», свидетельствующая об охранительной и покровительственной функции героя. Наряду с вышеприведенными формами выявляется альтернативное обозначение героя: латинское существительное *vir*, которое указывает на его половую принадлежность – «взрослый мужчина», роль – «муж, возлюбленный», положительные качества – «настоящий, мужественный человек», деятельность – «воин, солдат, боец», а также на абстрактное понятие – «мужество, сила», которыми наделен герой. Латинская и греческая лексемы связаны с санскритским словом *vīra* «герой, храбрый и выдающийся человек, воин, чемпион» [4, 5].

Западноевропейские языки пошли по пути расширения значения, и в XVI веке героем стал номинироваться не только мифологический персонаж (*Hera* «защитница, покровительница» и *Herakles* «Hera